

М. Г. А Л Ь Т Ш У Л Л Е Р

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЭПИЗОД ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКИ
НАЧАЛА XIX ВЕКА

(«Друг просвещения» и «Московский зритель»)

В февральском номере журнала «Друг просвещения» за 1806 г. напечатано без имени переводчика «Письмо Петрония к Ювеналу» с подзаголовком: «Перевод с латинского», в котором рассказывается, как некий Эвмольп, «загорелый африканских степей житель, иссохший, бледный, у которого длинный нос может служить преградой собеседникам от солнечных лучей», пришел в гости к Сенеке, где были «Лукан, Перций и другие знаменитые и просвещенные люди. Ты знаешь, — продолжает далее Петроний, — что Эвмольп имеет страсть душить Рим вздыхательными сочинениями. Ты, верно, хотя для смеху читал его путешествия в Партеноп, хотя уже несколько лет он не путешествовал, как мы все знаем, далее Цирка и Аветинского холма. Все, что он ни видит, ему кажется кустарником, везде перед его глазами ручьи, птички и Буколические предметы <...> Он не пропустил посетить Сенеки, зная, что в тот день найдет там собрание муз. В этом он не ошибся, но бедный Эвмольп не знал, что встретит вместо лавров огорчительное для самолюбия вздыхательного стихотворца неуважение».¹ Гости во время приятной и полезной беседы не обращали на Эвмольпа ни малейшего внимания. Он попытался вмешаться в разговор, сообщив, что намерен выдать «Увеселительные замечания о нравах римлян», однако «объявление сие не только не произвело рукоплескания, но ниже получило ответа». Раздосадованный писатель покинул собрание, а «собеседники, занимаясь разговорами, не удостоили Эвмольпа даже и тем, чтобы над ним посмеяться».²

Совершенно очевидно, что под римскими масками здесь описаны какие-то современные литературные отношения и что под именем бездарного поэта Эвмольпа, героя романа Петрония «Сатирикон», изображен какой-то современный писатель. Архив

¹ Друг просвещения, 1806, ч. I, № 2, с. 155—156.

² Там же, с. 157.

графа Хвостова позволяет очень точно интерпретировать этот любопытный документ. В первом томе архива он переписан полностью рукой Хвостова. В оглавлении вместо подзаголовка печатного текста: «Перевод с латинского» — писарским почерком указано: «Перевод якобы с латинского, напечатан в „Друге просвещения“». На полях рукописи Хвостов записывает: «Сие письмо очень любопытно, смотри „Друг просвещения“, где оно напечатано». Далее в маргиналиях следующих страниц он раскрывает смысл этой записи: «Сие письмо есть сочинение графа Дмитрия Ивановича Хвостова на князя Петра Ивановича Шаликова. Описанное происшествие случилось в присутствии Карамзина, Дмитриева, графа Хвостова, В. Л. Пушкина и других в доме покойного именинника творца Россияды. Сатира или пасквиль сей был напечатан в Друге просвещения под титулом перевода».³

Хвостов не только издевается над сентиментализмом Шаликова: «... имеет страсть душить Рим воздыхательными сочинениями», — но описывает его наружность («иссохший, бледный, у которого длинный нос может служить преградой собеседникам от солнечных лучей») и намекает на грузинское его происхождение («загорелый африканских степей житель»),⁴ а также на конкретные произведения издателя «Московского зрителя»: «Путешествие в Партеноп» — это, несомненно, «Путешествие в Кронштадт», начало которого было опубликовано в первом номере журнала Шаликова.⁵ Эвмольп обещает выдать «увеселительные замечания о нравах римлян». Автор пасквиля и здесь имеет в виду конкретные замыслы своего противника: в апрельском номере «Московского зрителя» напечатана статья «Черта народного характера русских», в которой рассказывается о кулачном бое.⁶

Злая выходка Хвостова была, вероятно, ответом на критику его сочинений, которую подготовил к печати Шаликов, но опубликовать из-за противодействия Хвостова не сумел. «Шаликова журнал „Зритель“ пошел неудачно, — писал И. И. Дмитриев Д. И. Языкову 10 января 1806 г. — Он хотел во второй книжке поместить свою рецензию на некоторые уродливости графа Хвостова; цензоры наши университетские пропустили; Хвостов о том стал их стращать, что с глупости никогда пошлин не брали; они поверили и, взяв назад Шаликова тетрадку, написали на ней, что „хотя в ней нет ничего противного уставу о цензуре, однакож думаем, что напечатать ее не можно!“. Почему же не можно, когда сами говорят, что законы цензуры тому не противятся?».⁷

³ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 322 Д. И. Хвостова, № 1, л. 19 об.

⁴ Ср.: «Кн. Шаликов был по происхождению грузинец, что обнаруживала и его физиономия: большой нос, широкие черные брови: худощавость» (Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869, с. 95).

⁵ «Князь» Шаликов». Путешествие в Кронштадт. — Московский зритель, 1806, январь, с. 5—21.

⁶ Московский зритель, 1806, апрель, с. 10—12.

⁷ Дмитриев И. И. Соч., т. II. СПб., 1893, с. 199; см. также письмо Д. И. Языкову от января 1806 г.; Там же, с. 198.

В то же время из писем Дмитриева становится ясно, что редакция «Друга просвещения» еще в конце 1805 г. собиралась развернуть активное наступление на карамзинистов, и в первую очередь на князя Шаликова: «Хвостовщина объявила явную войну врагам своим, команду над армией своей вручила Сандунову, который, предводительствуя друзьями просвещения, и выступит с будущего месяца противу „Московского зрителя“». ⁸ О том же пишет Дмитриев в конце 1805 г. к В. А. Жуковскому: «Друзья просвещения присоединили к тричисленному своему лику обер-секретаря Сандунова, и с первою рыжею книжкою на будущий год пустят гром на русских путешественников и на все, где только встретят слезу и милое. По всему кажется, что не уйги и мне от их перунов, хотя я ни до слез, ни до сладкого не охотник». Противопоставляя «Другу просвещения» Шаликова, Дмитриев далее продолжает: «С другой стороны, князь Шаликов возлагает на надежный свой нос зеленые очки и объявляет себя „Московским зрителем“». ⁹

Сведения Дмитриева очень точны: «Письмо Петрония» было только эпизодом той полемики, которой насыщены первые номера «Друга просвещения» за 1806 г. Нападки на русских путешественников мы найдем в письме к издателям, подписанном НΣ: «... многие у нас пишут без цели и предмета и пишут к совершенному убивству сочинительства, натягивая отборными выражениями несообразную ни с чем несвязицу <...> Шлюсь на многое множество нынешних журналов путешествий — один ездя по свету без всякого предмета колобродил по горам, полям, лесам, озерам и рекам; другой, сидя дома, умственно поехал на полдень и гармонизировал, по его мнению, со встречными и поперечными особами; третий, но господи прости мое согрешение — давно ли я сам боялся пересудов и осуждений, а только за перо, так и тут пересужать других». ¹⁰ НΣ, вероятно, имеет в виду сначала Карамзина («... ездя по свету без всякого предмета...»), а затем несомненно «Путешествие в полуденную Россию» В. В. Измайлова (1800, 2-е изд. — 1802). Поскольку Шаликов в своих книгах «Путешествие в Малороссию» (1803) и «Другое путешествие в Малороссию» (1804) подражал и Карамзину, и Измайлову, то письмо к издателям «Друга просвещения» задевает и его. Возможно, он и есть «третий».

Без подписи, но с указанием на место и время сочинения: «село Прямухино маяя 20 дня 1805 года» — там же напечатано полемическое стихотворение «Чувствительно-нежный бред». ¹¹ Верны были и слова Дмитриева о «громе» на «слезу и милое». Анонимные стихи первого номера «Друга просвещения» за

⁸ Письмо Д. И. Языкову от 24 декабря 1805 г.: Там же, с. 197.

⁹ Письмо от 15 ноября 1805 г.: Там же, с. 196.

¹⁰ Друг просвещения, 1806, ч. I, № 1, с. 72—73.

¹¹ Там же, с. 31—33.

1806 г. называются «Ода к милой во вкусе модной литературы». Начинаются они с прославления слова «милый»:

Мила похлебка с бураками,
Мила говядина, что в ней,
Мила капуста с огурцами,
Мил соус красный из гребней... .

Далее автор переходит к «слезам»:

Стихи прекрасны — в том признайтесь,
Слеза и мило — все тут есть... .
Что нужды в том, что смыслу мало.
Не всякий с толком говорит,
Пролей *слезу* — и ты пийт!

Заканчивается «Ода» злым намеком на «Московский зритель»:

Последуя влеченью моды,
Слезу и милую твердя,
Я скоро опишу походы,
Из комнаты не выходя.¹²

Действительно, спустя несколько месяцев, в октябре 1806 г., в «Московском зрителе» за подписью Б* (т. е. Борис Карлович Бланк, 1769—1826, постоянный и плодовитый сотрудник Шаликова) появились «Отрывки путешествия моего по комнатам».¹³

В связи с общей полемической направленностью этой части «Друга просвещения» следует рассматривать и известную строфу из «Письма к другу моему Николаю Петровичу Николеву» Д. П. Горчакова:

И даже Мирлифлор, Прозошита Дамской,
Мечтающий пленить то былью нас, то сказкой,
Между сороками сидящий гогольком,
Горячую слезу лиющ над васильком,
И он умрет. — Ах! Нет, как сахарец растет,
В незриму превратится мглу,
И свет бессовестный во веки не узнает,
Что дивом некогда он слыл в своем углу.¹⁴

Вопрос о том, кто скрывается под именем Мирлифлора, уже рассматривался в научной литературе. Так, Г. В. Ермакова-Битнер следом за своими предшественниками считает, что Горчаков «имеет в виду Н. М. Карамзина или, может быть, кого-либо из его последователей».¹⁵ М. А. Арзуманова, полемизируя с Г. В. Ер-

¹² Там же, с. 27—30.

¹³ Московский зритель, 1806, октябрь, с. 5—25. — «Отрывки» являются подражанием книге Ксавье де Местра (Xavié de Maistre. Voyage autour de ma chambre, 1794).

¹⁴ Друг просвещения, 1806, ч. 1, № 3, с. 227.

¹⁵ Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Л., 1959. (Библиотека поэта. Большая серия), с. 626.

маковой-Битнер, выдвигает предположение, что Мирлифлор — скорее всего И. И. Дмитриев.¹⁶ Точка зрения М. А. Арзумановой, на наш взгляд, неприемлема, поскольку «Прозопиитой» можно назвать только автора, пишущего и прозой и стихами, а Дмитриев, как известно, прозаических художественных произведений никогда не писал.

Стихотворение Горчакова, как показала Г. В. Ермакова-Битнер, написано, видимо, в 1799 г. Однако впервые оно опубликовано только в мартовском номере «Друга просвещения» за 1806 г. Строфа о Мирлифлоре, написанная другим размером и мало связанная по содержанию с текстом стихотворения, в котором говорится о смерти и дружбе, могла быть добавлена позднее, при подготовке «Письма» к печати. В этом случае, поскольку основная полемика «Друга просвещения» направлена против князя П. И. Шаликова и его журнала «Московский зритель», можно предположить, что под именем Мирлифлора Горчаков также имел в виду Шаликова. Это предположение тем более вероятно, что в «Послании к князю С. Н. Долгорукову» (1807) под именем Мирлифлора Горчаков, по всей вероятности, изображает именно Шаликова, так как затем в этом стихотворении идут достаточно ясные намеки на Дмитриева и Карамзина.¹⁷

«Московский зритель» энергично отвечал на нападки «Друга просвещения». Разбирая сочинение П. Ю. Львова «Изображение Москвы и всей России в царствование Иоанна IV», Шаликов выступает против идей Шишкова: «Неужели *старый* язык лучше и вразумительнее *нового* даже и в самом простом описании?».¹⁸

Рецензию о творениях Пиндара, переведенных Павлом Голенищевым-Кутузовым, Шаликов под видом похвал пересыпает едкими замечаниями: «Несмотря на то, что в девяти стихах повторено шесть раз *тебя* да однажды *любя* — неизбежность, в которой, очевидно, находился поэт или его переводчик — едва ли чувствуете сие повторение — от чего? От того, что нет ни малейшей

¹⁶ Арзуманова М. А. Об одной распространенной легенде. — Вестник ЛГУ, № 2, Серия истории, языка и литературы, вып. I, 1964, 99—102 (там же литература вопроса).

¹⁷ Поэты-сатирики. . ., с. 158, 631.

¹⁸ Московский зритель, 1806, апрель, с. 17. — Рецензия не подписана и, как большинство неподписанных материалов, принадлежит, видимо, Шаликову. П. Ю. Львов отвечал своему оппоненту в журнале «Любитель словесности» (1806, № 4, с. 57—70). Перепечатав в подстрочном примечании целиком рецензию Шаликова, Львов пишет: «...красноречие российского языка основано на важности и силе языка славенского <...> не мог я увизиться до простоты и мелкости обыкновенного языка, которым пишут любовные повести (неудачное подражание Стерну) и другие сему подобные безделки <...> *старый* язык несравненно лучше и выразительнее *нового*» (там же, с. 62—63, 64). Шаликов отвечал Львову не по существу, ограничившись обвинением в грубости и несколькими злыми намеками на сочинения Львова (Московский зритель, 1806, август, с. 25—30),

вялости в стихах»,¹⁹ — или по поводу нелепого образа: «Витающий на скипетре орел» — рецензент замечает: «Нельзя живописнее».²⁰

Встретив в переводе Кутузова слово *мила*, Шаликов, очевидно имея в виду «Оду к милой», не без злорадства пишет: «С каким удовольствием находим слово *мила* в Пиндаре или переводчике его — нет нужды! Ненавистники *милого*, вопреки всему тому, что они говорят и пишут против сего слова, признаются, может быть, что дозволено употребить его во всяком роде сочинения».²¹

В основном, однако, Шаликов не столько рассуждает по теоретическим вопросам, связанным с борьбой приверженцев старого и нового слога, сколько прибегает к колкостям и намекам на личности, лишь слегка замаскированным. Так, в апрельском номере «Московского зрителя» напечатан отчет о торжественном обеде, который дал в честь Багратиона английский клуб 3 марта 1806 г. Без всякой связи с предшествующим изложением последний абзац этого отчета гласит: «В утепление некоторых наших неудачных лириков сообщаем стихи известного французского поэта Парни насчет лириков своего народа:

Sur nos victoires

Jupiter un jour dit ses mots:
«Les mortels aiment trop la gloire;
Il est trop doux d'être héros:
Punissons un peu la victoire;
Et fidele à mes deux tonneaux,
Mélangeons les biens et les maux».
Dans le cieux cette voix divine
Retentit, et tombant des airs.
Au laurier brillant, pour épine,
Elle attacha les mauvais vers».²²

Как известно, стихи в честь Багратиона для этого обеда были написаны Н. П. Николевым и П. И. Голенищевым-Кутузовым.²³ Последний был одним из издателей «Друга просвещения», первый — сотрудником этого журнала, близким другом Д. П. Горчакова и Д. И. Хвостова. Стихотворение Парни в контексте рас-

¹⁹ Московский зритель, 1806, июнь, с. 71.

²⁰ Там же, с. 75.

²¹ Там же, с. 70—71.

²² Там же, апрель, с. 69. Ср.: Pagny Evariste. Butade decembre 1805. — Oeuvres, t. 2. Paris, 1805, p. 222—223. — Перевод: «О наших победах. Юпитер некогда сказал: „Смертные очень любят славу. Очень приятно быть героем, поэтому накажем немного победу и, оставаясь верными моим двум бочкам, смешаем добро и зло“. Падая с небес и распространяясь в воздухе, этот голос божества приказал прикрепить к блистающему лавру в качестве терния плохие стихи».

²³ См.: Жихарев С. П. Записки современника. М.—Л., 1955, с. 196—197.

сказа об обеде, очевидно, било по врагам Шаликова и, таким образом, высмеивая Николева, Шаликов в апрельской книжке отвечал на «Письмо» к Н. П. Николеву Д. П. Горчакова, напечатанное в марте, в котором, если наши предположения справедливы, был сильно задет он сам.

Естественно, что в этой журнальной перепалке сильно досталось и Хвостову. Заканчивая на полях «Письма Петрония» рассказ о давно минувших днях, он писал: «Сатира или пасквиль сей был напечатан в Друге просвещения под титулом перевода и никто не догадался, что это было. Первый оцупал через полгода Ив. Ив. Дмитриев, пересказал Шаликову, который так рассердился, что напечатал в своей Аглае, по-матерну, что я непристойный уд на Парнасе. После князь Шаликов ко мне умилился, пишет доселе нежные письма, а я при сущей старости моей усостылся и каюсь в моем грехе. 1832 года марта 1 дня».²⁴

Возможно, к Хвостову обращена резкая эпиграмма под названием «Бесполезная сатира»:

Водяной рифмоплет! Что прибыли в сатире,
Которую меня ты хочешь растерзать?
Кто сведает об этом в мире?
Стихи твои одним наборщиком читать!²⁵

Слова «водяной рифмоплет», «стихи твои одним наборщиком читать» как нельзя лучше подходят для характеристики знаменитого графомана, а под «сатирой» здесь, возможно, имеется в виду «Письмо Петрония», о значении которого Шаликов мог узнать не через полгода, как пишет Хвостов, а значительно раньше.

Посвящает Шаликов Хвостову и разносную критическую статью «О переводе Циклопа из Феокрита, напечатанном в первой книжке „Друга просвещения“ за 1804 год». Обращение к переводу двухлетней давности — свидетельство того, что Шаликов искал любого подходящего повода для нападков на Хвостова. В рецензии он издевается над поэтическими потугами своего противника:

«Едва на бороде лишь показался пух,
Любови сделался его невольник дух.

Не спрósите: „На чьей бороде? Не на любви ли? Дух ли сделался невольником или невольник духом?“ — Все ясно и прекрасно».²⁶

²⁴ ИРЛИ, Рукописный отдел, ф. 322, № 1, л. 20. — Спустя четверть века Хвостов, видимо, забыл, что «Аглая» начала выходить только в 1808 г., т. е. через два почти года после описываемых событий. Этот журнал Шаликова содержит известный полемический материал, в частности намеки на Хвостова; см., например, эпиграмму «На перевод Буаловой пиитики» (Аглая, 1808, июнь, с. 33). Однако искать здесь отклики на полемику 1806 г. едва ли правомерно.

²⁵ Московский зритель, 1806, март, с. 42.

²⁶ Там же, август, с. 61.

Заканчивается рецензия похвалой Хвостову, которая предвосхищает известную речь Д. В. Дашкова в честь Хвостова, прочитанную в «Беседе любителей словесности наук и художеств» 14 марта 1812 г., в которой Хвостов провозглашался крупнейшим в мире поэтом.²⁷ Шаликов пишет: «Судя по переводу Теокрита, мы имеем причину думать, что переводчик его имеет по крайней мере столько же гения, сколько и славный поэт греческой».²⁸

Наконец, в июньском номере «Московского зрителя», т. е. действительно почти через полгода (февраль—июнь) после появления «Письма Петрония», мы находим исключительно грубое и резкое замечание, подписанное Издатель, т. е. сам Шаликов. К последним строчкам басни Бланка:

Иной лишь песенку, сонет или мадригал
К любезной написал,
А так уж о своем достоинстве мечтает,
Что с Гением себя равняет, —

сделана сноска, в которой Шаликов пишет: «А иной, что еще примечательнее, написал гнусной пасквиль и почитает себя остроумным сатириком. Но кто не вспомнит прекрасных Вольтеровых стихов?

On peut à Despréaux pardonner la satire;
Il joignait l'art de plair au malheur de médire.
Les miel que cette abeille avait tiré des fleurs,
Pouvait de sa piqûre à doucir les douleurs;
Mais pour un lourd frelon méchant imbécille,
Qui vit du ma qu'il fait, et nuit sans être utile,
On écrase à plaisir cet insect orgueilleux,
Qui fatigue l'oreille et qui choque les yeux.

Издатель».²⁹

Можно думать, что Шаликов писал это о Хвостове и что именно этот резкий отзыв имел в виду Хвостов, вспоминая спустя 26 лет о своей войне с князем Шаликовым.

При всех намеках на личности и личных неудовольствиях борьба между «Другом просвещения» и «Московским зрителем» носила принципиальный характер. Она является заметным эпизодом раннего этапа борьбы пшпковистов с карамзинистами.

Анализ этой полемики имеет также известное методическое значение. Запись Хвостова лишний раз показывает, какие кон-

²⁷ ЧОИДР, 1861, кн. 4, отд. V, с. 183—186.

²⁸ Московский зритель, 1806, август, с. 69.

²⁹ Там же, июнь, с. 45—46. — *Перевод*: «Можно простить Депрео его сатиру. Он соединил искусство нравиться с несчастием злословить. Мед, который эта пчела извлекает из цветов, успокаивает боль, нанесенную ее жалом. Что же касается тупого трутня, скверного дурака, который видит зло, им творимое, и вредит без пользы, то с удовольствием давят это спесивое насекомое, которое надоедливо жужжит в ушах и оскорбляет зрение».

кретные, точные события, имена, факты скрываются за литературными выступлениями, направленными, на первый взгляд, не против авторов, а против литературных явлений, взятых в целом. К сожалению, за неимением материалов, мы часто просто не можем расшифровать эту полемику.

Кроме того, следует отметить, что в первой части «Друга просвещения» за 1806 г. мы дважды — в «Письме Петрония» и в «Оде к милой» — сталкиваемся с намеками на произведения, которые еще *будут* опубликованы. Круг писателей был тогда, очевидно, настолько узок, что сведения о составе будущих номеров журналов расходились в нем довольно широко. Poleмические стрелы, таким образом, могли выпускаться не только после выхода очередного номера, но даже до или к моменту его появления.